

А. ВОРОНСКИЙ

По поводу одного спора

<Фрагменты>

<...>

Два друга — Вячеслав Иванов и М. О. Гершензон — во время своего пребывания летом 1920 года в одной комнате, в здравнице «для работников науки и литературы», написали друг другу 12 писем, издав их потом отдельной книгой под общим заглавием «Переписка из двух углов»¹.

Переписка посвящена одному из самых жгучих и волнующих вопросов современности — вопросу о ценности культуры.

Блестящие и оригинальные по форме письма глубоко поучительны и по своему содержанию.

Современная культура — на ущербе. Распад экономических и политических связей между передовыми странами и внутри их, распад старой буржуазной идеологии, гигантский рост коммунистического движения, силы, разрушающей основы современной цивилизации, — разочарование, скептицизм и пессимизм на верху социальной пирамиды, неясные и смутные предчувствия новой эпохи, — все это уже общепризнано и нашло себе достаточно яркое отражение в литературной западно — европейской жизни последних лет.

Современная культура гибнет. Не нужно быть большевиком, чтобы это утверждать. Не ясны только сроки, не ясны также размеры распада современного общества, и еще больше всяких сомнений рождается, как только заходит речь о степени ценности того, что связано с понятием культуры прошлой и настоящей. Последний вопрос особенно должен интересоваться нас, могильщиков старого мира, ибо в наши дни дело борьбы со старым зашло так далеко, что оценки прошлого наследия давно перестали быть

только теоретическими и с каждым днем все больше и больше приобретают практическое, актуальное значение.

Вот почему «Переписка из двух углов» о культуре не может быть обойдена молчанием, тем более, что вели ее большие знатоки культурного наследия.

Письма Гершензона и Вяч. Иванова поучительны и в другом отношении: они знакомят нас с настроением, с работой мысли и чувства тех кругов, к которым принадлежат авторы писем, значительной части западной и нашей отечественной интеллигенции.

В письмах «двух друзей» темой служат высшие культурные ценности: наука, искусство, техника — кумиры современного общества.

Рассуждения Вяч. Иванова окрашены в мистические цвета: хотя он и полагает, что память, т. е. культурное наследие, освобождает человеческую личность, но абсолютного освобождения он ждет от бога. Жить в боге значит уже не жить всецело в культуре, которая относительна; настоящая жизнь, настоящая свобода там, в «нагорном пути». Нужно верить в бога, тогда человеку вернется утерянная свежесть.

Совсем во власти иных настроений и мыслей, как кажется обоим друзьям, находится Гершензон. «Запредельные умозрения» и «заоблачное зодчество» его не прельщают.

<...>

Гершензон уверен, что культура разлагается изнутри и «свисает лохмотьями с изможденного духа». Живой родник духовного бытия отравлен и уже не животворит души, а умерщвляет.

Неясное будущее представляется Гершензону, как торжество личного начала в труде и обладании до конца. Задача состоит в том, чтобы личное стало опять совершенно личным и, однако, переживалось, как всеобщее.

Что касается культурной преемственности, на коей стоит, по мнению Вяч. Иванова, «сознательный пролетариат», то Гершензон полагает, что никто не может сказать ни о том, что он — пролетариат — видит в культурных ценностях, ни о том, зачем он ими овладевает. Может быть, взяв их в руки, он затем с разочарованием бросит их и начнет создавать новое.

Таков круг мыслей обоих авторов писем по вопросу о ценности и будущем культурного наследия.

Следует прежде всего отметить: едва ли прав Гершензон, утверждая, что он диагонален по духу В. Иванову. Несмотря и во-

преки коренному на первый взгляд расхождению точек зрения обоих авторов в споре о культуре, оба они живут в одном и том же духовном квадрате, и мысли их и настроения имеют много общего. Вяч. Иванов — мистик. Разрешения «проклятых вопросов» современности он, в конце концов, находит в боге, который есть, по его утверждению, «темное рождающее лоно», живой бытийственный принцип, нечто, обладающее и личным сознанием. То, чего не дает культура в силу своей относительности, дает бог: совершенную свободу человеческой личности. Гершензон далек от запредельных умозрений своего друга, но все его настроения пропитаны неверием в разум.

Разум обанкротился: вот о чем говорит каждая страница из писем Гершензона. Бесчисленные, омертвевшие, безликие знания опутали живую человеческую личность и леденят ее, не принося пользы. Что же случилось? Почему же разум обанкротился? В переписке М. О. Гершензон говорит, главным образом, о своих современных настроениях, о том, что ему душно от всей современной культуры. Поэтому нам представляется не лишним пополнить переписку мыслями Гершензона из другой его книги «Мудрость Пушкина» (1920 г.)². В ней некоторые стороны мировоззрения Гершензона раскрыты им полнее.

— ...Стеклянная кора рационального, — читаем мы там, — давит уже нестерпимо, и дух ищет освободиться от собственных своих порождений, ставших его тиранами, от оформленных чувств и идей. И с другой стороны, само сознание поневоле обернулось к своему истоку, во — первых, потому, что, изучая себя, узнало себя, как производное и розысками незаметно было приведено в недра духа, во — вторых, потому, что после века неудач поняло свое практическое бессилие и убедилось, что рычаг человеческой воли — в иррациональном... Очередная задача назрела... Рациональный расчет, такой всесторонний, осмотрительный, точный, жестоко обманул человечество: — оно видит себя банкротом. Теория прогресса, основанная на убедительных научных выкладках, вдруг сорвалась в бездну, и оказалось, что главнейшие — то силы не были учтены, больше того, были просто забыты... Нам надо спуститься вниз, узнать эти темные силы и дать им выход. Пред лицом этой страшной войны нет важнейшей задачи, как раскрыть недра...

Разум обанкротился, — утверждает Гершензон. С этим едва ли можно согласиться. Обанкротился не разум вообще, а разум тех,

кто стоял обеими ногами на почве буржуазной идеологии. Сорвались в бездну не только научные выкладки и теории прогресса, сорвались высшие культурные ценности современного общества, его «святая святых». Гершензон упомянул о последней войне. О ней в самом деле следует вспомнить. Великая война обнаружила не только всю немощность высших ценностей, их неспособность предотвратить кровавое бедствие, — она показала и сделала их прямыми сообщниками этого преступления. Во имя чего велась война? Во имя родины, веры, культуры, науки, свободы, искусства, нравственности, справедливости.

Жрецы этих кумиров уверяли, что нужно убивать друг друга во имя торжества и интересов боготворимых ценностей. Нужно разбить Германию, ибо прусский милитаризм покушается на основы цивилизации, на свободу и самодеятельность народов; нужно победить Турцию во имя торжества культурного Запада над варварским Востоком. Другая сторона то же самое твердила о своих противниках. Именно благодаря этим кумирам в значительной мере удалось убедить и заставить миллионы людей истреблять друг друга... «Ценности» оказались удивительно податливыми, приспособленными к тому, чтобы выступить в роли общественного дурмана. Что оказалось на деле, после «торжества победителей», торжества прогресса, культуры, свободы, нравственности, справедливости — всем известно. Циничный грабеж и дележ имущества, вящее угнетение низов и новая война, новая голодная блокада, — самая жестокая война против нищего народа, осмелившегося выйти из войны особым способом — путем революции. И здесь «ценности» оказались податливыми настолько, что при их помощи можно было оправдывать любые палаческие действия. Во имя этих ценностей в настоящий момент жрецы их открыто издеваются над 30 миллионами умирающих от голода крестьян. Это, действительно, ценности — вампиры, кровожаднейшие из зверей, кровавые идолы. Неудивительно, что после всего пережитого явилось не мало людей, узревших, подобно Гершензону, что «пышные ризы в эти годы изорвались и повисли клочьями». Подобно герою купринского рассказа «Аль — Исса»³, они мечтали о прекрасной богине, чудеснейшей из женщин, а увидели отвратительную старуху с гнилым зловонным ртом и слезящимися глазами. Конечно, здесь трудно сохранить возвышенный взгляд В. Иванова на ценности, как на лестницу Эроса⁴ и иерар-

хию благоговения, и настроения Гершензона — современной, живей восторгов В. Иванова.

Гершензон отнюдь не одинок в своем отрицании культуры, в своем разочаровании в культурном наследстве. Подобные настроения очень широко разлиты в наши дни в среде и российской и западно — европейско — буржуазной интеллигенции. Помимо указанных причин и особенностей нашей национальной советской действительности, — о чем речь будет ниже, — звучит в этих разочарованиях еще одна нота. При несомненном ущербе современного общества, при той позорной роли, каковую «ценности» исполняют теперь, выступает с особой наглядностью механичность буржуазной культуры, ее внешность, ее сухой, черствый сверхматериализм. Человек изобрел аэроплан, а для духовно — нравственной жизни человека сделано безмерно мало, и человеческое сердце осталось таким же «зверушечьим», одиноким и сырым, каким было издавна, с незапамятных времен. Человеческое знание дифференцировалось до бесконечности, а объединяющие принципы отсутствуют, теряются. В период распада нынешней общественной жизни это несоответствие материальной и духовной культуры, эта специализация и дифференциация знания с особой отчетливостью выступают пред многими, гнетут, порождают острую неудовлетворенность. С этой точки зрения настроения Гершензона положительны, как святая законная тревога и жажда новой грядущей правды.

Было бы, однако, погибельным идти дальше вместе с автором по пути, на который зовет он. Отбросим разум — советует нам он, и обратимся к иррациональному, дадим свободу и простор «недрам духа». В переписке Гершензон выражается очень осторожно: ему мерещится возможность иной культуры, где познание не будет превращаться в догмат, а ценность — в фетиш. В своей книге о Пушкине он говорит об этом ясней.

<...>

Гершензон утверждает, что он совсем не хочет вернуть человечество к мировоззрению и быту фиджийцев и отнюдь не хочет разучиться грамоте. Возможно, но это — простая непоследовательность. Кто полагает, что нельзя доверять разуму, так как он извращен культурой, кто ищет выхода в господстве стихии, тот неизбежно скатывается к быту фиджийцев, хочет он этого или нет. Да и почему Гершензон не желает этого быта? «Нам не избыть, — пишет он, — своего разума и не изменить его природы».

Это, в сущности, только внешнее подчинение факту. Не больше. Но чем меньше разума, тем лучше. Быт фиджийцев представляется все — таки идеалом по сравнению с современной культурой.

<...>

Здесь уместно свести с Гершензоном окончательно гносеологические счеты и, кстати, разрешить вопрос, какой мере, действительно, он «диагонален по духу» своему другу — мистика Вячеславу Иванову.

Прежде всего нет никакого иррационального внутреннего «целостного» познания. Говорить о подсознательном, сверхсознательном сознании то же самое, что называть железо деревянным. То, что Гершензон считает «целостным» сознанием, внутренним опытом есть инстинкт. Гершензон разделил это «целостное знание» от знания разумного непроходимую пропасть. Правда, он утверждает, что «внутреннее знание» тоже основано на опыте. Но таковой опыт признает и христианское семинарское богословие. Важно то, что это «целостное», «внутреннее» знание, употребляя термин Гершензона, является у него обособленным, несвязанным с познанием отдельных рядов явлений при помощи внешних чувств. Разделив то и другое, он, естественно,

Пальму первенства Гершензон отдает этому сверхразумному «знанию», стихии, инстинкту. Между тем прежде всего история с совершенной очевидностью свидетельствует, что нет решительно никаких оснований это делать. В свое время Маркс писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей — архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы отличается тем, что прежде, чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника» («Капитал», т. 1, стр. 154, изд. 1920 г.).

«Целостное», внутреннее «познание», основанное на инстинкте, удивительно точно и безошибочно, но оно лишено предварительного «идеального представления» и потому делается добычей любого слепого случая. Разум то и дело ошибается, но смысл его существования — в наличии предварительного «идеального представления». Является, следовательно, возможность предвидеть неожиданное, внезапное, случайное. Наука — это предвидение, на предвидении основано действие.

По силе сказанного можно утверждать, что никакой диагональности по духу между Гершензоном и В. Ивановым нет и быть не может. Гершензон — тоже мистик, он также во власти «запредельных умозрений». Его сверхличная стихия, первозданная человеческая душа весьма сродни «темному рождающему лону»⁵ В. Иванова, а его преклонение пред иррациональным логически ведёт к «заоблачному зодчеству»⁶.

Для нас, однако, гораздо важнее другое. Рассуждение Гершензона о русской душе, в которой бушует стихия и которая жаждет постижения «тайнописи вещей», в отличие от души западно — европейца, как две капли воды похожи на реакционные мечтания растерявшихся западно — европейских буржуазных ученых и наших отечественных белогвардейцев. На страницах нашего журнала отмечались уже эти мечтания. Немецкий мыслитель Поль Эрнст ищет обетованной земли в Китае⁷; модный «христианнейший» философ Генрих Кайзерлинг⁸ — на берегах Ганга и в Троице-Сергиевской лавре, а еще более модный Освальд Шпенглер ждет обновления мира⁹ от новой неизвестной религии, долженствующей родиться на широких русских равнинах, еще любопытнее настроения в некоторых эмигрантских наших кругах. За рубежом есть целая группа так называемых «евразийцев» с Н. С. Трубецким во главе¹⁰. Они тоже разочарованы в современной западноевропейской культуре, они противопоставляют «гнилому» Западу здоровый Восток. Они полагают, что огненная стихия русской души спасет Запад. Эти славянофильские настроения у них связаны с мечтами о гегемонии православия и... царя.

Нужно также упомянуть о группе Устрялова — Бобрищева-Пушкина и Ключникова¹¹, группе национал — большевиков, готовых идти в большевистскую каноссу из славянофильско — патриотических соображений, хотя настроения этой группы гораздо сложнее и, несомненно, более прогрессивны, чем «евразийцев», Кайзерлинга, Шпенглера.

До царя и православия Гершензон не дошел. Наоборот свое духовное освобождение он связывает с великой катастрофой наших дней, но родственность настроений его с настроениями западно — европейских мистиков и наших евразийцев несомненна. Им обще: разочарование в современной буржуазной культуре, предчувствие ее гибели и смены иной культурой, неверие в разум и тяга к иррациональному, искание идеала в своеобразном

быту фиджийцев — в мистике старого Китая, Индии, в надежде на русскую душу с ее «огненной стихией»¹².

Настроения эти чрезвычайно широко охватили некоторые буржуазно — интеллигентские круги, они не случайны и не мимолетны. В них отразился прежде всего крах не только экономики и политики капиталистического Запада, но и так называемых высших идеологических ценностей. С каждым днем растет это число разочарованных людей, по своему социальному положению, воспитанию, навыкам связанных с буржуазной цивилизацией. Неспособные, однако, совлечь с себя ветхого Адама¹³ они ищут выхода из настоящего не в будущем, а в прошлом, реставрируя на новый лад славянофильство, проповедуя своеобразное опрощение. Это — неспособные радоваться наступающему утру, но все — таки понявшие и вспомнившие, что ночь была полна кошмаров. То обстоятельство, что значительная часть буржуазной интеллигенции ищет выхода на Востоке — реакционном, а не революционном, свидетельствует, как далеко зашел развал идеологии буржуазного Запада: чего может быть хуже, когда приходится искать возрождения в доисторическом Китае, в Платоне Каратаеве и в Лавре, проклиная разум и все культурное наследие?..

Почему Китай, Лавра, русский мужик прошлого периода? Потому, что некуда уже кинуть, успокоиться, отдохнуть умственному взору на Западе. «Пролетарский лев» только пугает, а остальное пусто, мертво. Потому, что на Западе господствуют одни только отношения угнетения, розни и распрей, и они стали до боли ясными:

<...>

Вот что есть на Западе помимо «пролетарского льва», воспрянувшего на ценности. Восток манит своим вечным покоем, своей примитивностью, своими суевериями, остался «последний ключ — холодный ключ забвения». Его ищут на дряхлом Востоке».

Есть здесь также надежда на то, что вследствие голода, блокады, рухнет все — таки ненавистный строй «восточной советской диктатуры», усилится и восторжествует реакция, тогда... о тогда... наученный горьким опытом большевизма русский человек, и в первую очередь русский мужик (кулак), установит свое новое царство без всяких —измов, весь налитый ненавистью к коммунизму и взалкавший о боге и о других трансцендентальных

вещах, кои спасут «гнилой» Запад. Придут тогда новые вехисты по стопам старых и возгласят: верим в неизбывную темноту народную, ею же спасетесь. Иначе — путь III Коммунистического Интернационала¹⁴ он уже ведь стучится в дверь, нужно же ему что-нибудь противопоставить. А за душой нет ничего. Поневоле приходится обратить свой взор на Восток, в надежде на русского мужика, китайского кули и т. д. <...>

Русскому и китайскому мужику сейчас очень везет. Его призывают спасать и обновлять культуру Запада. Мы думаем, однако, что подобным надеждам не суждено будет осуществиться. Ибо в глубине восточных ущелий уже звучит топор революции, Восток преображается и стряхивает с себя как раз то, на что уповают изверившиеся культурные буржуа Запада и наши вехисты: косность, рабство, суеверие, преклонение перед деспотизмом и насилием, темноту, господство «иррационального» быта.

Что же касается русского крестьянина, то есть много веских оснований полагать, что «сознательному пролетариату» удастся и в дальнейшем обособить крестьянство от господ Рябушинских, Гучковых, Струве, Милюковых и Авксентьевых¹⁵, а также и от магнатов западно — европейского капитала; порука тому: осторожная и гибкая политика, курс зигзаг, в достаточной мере выявившаяся со стороны Советской власти за последнее время.

Круг восточно — мистических взглядов особенно характерен для наших отечественных интеллигентских кругов. То, что на Западе только «при дверях», в России уже прошло «в буре и во грозе».

Большинство нашей интеллигенции не приняло и не поняло октября. Борьба кончилась пока победой не Антанты, а Советской власти. В результате крушений надежд на Антанту, Врангеля и Колчака в среде русской интеллигенции — невиданный разброд. В то время, как часть ее приспособилась и нашла в себе достаточно сил увидеть в большевизме нечто положительное, другая часть — более значительная — переживает полосу злейшей внутренней реакции. Теперь нет такого контр — революционного хлама, какой не подхватывался бы недавно народолюбивыми интеллигентами. Естественник занимается в свободное время столоверчением и усердно посещает церковь, правовед в любой момент готов создать 10 процессов Бейлиса, недавний демократ трактует народ, как хама и апокалипсического зверя, а осторожный политик всерьез повторяет слухи с Сухаревки и Смоленского

рынка. Особенно сильно дает о себе знать возврат к грубому суеверию и мистицизму. Проповедь М. О. Гершензона о банкротстве разума и о великой русской душе, не в пример гнилому Западу, постигающей «тайнопись» вещей, идет по линии этих настроений. Не следует обольщаться революционной внешностью этой проповеди и тем, что сам Гершензон с пафосом пишет о наших днях: ныне новый мятеж колеблет землю: то рвется на свободу личная правда труда и обладания. Разумеется, это искренне и смело для вехиста Гершензона, но не это возьмут у него его читатели; возьмут они его мистику, его своеобразное славянофильство, его «углубленный» бергсонизм¹⁶ и из рассуждений его сделают свои выводы, более последовательные, чем это делает сам автор. И будут правы.

Гершензон пишет: «От пресмыкающихся произошли птицы; мое чувство — как некогда жжение и зуд в плечах у амфибии, когда впервые зарождались крылья». К сожалению, это не так. Тут скорее более уместно другое сравнение. В одном из своих рассказов И. Бунин привел старинную индусскую легенду: «Ворон кинулся за слоном, бежавшим с лесистой горы к океану; все сокрушая на пути, ломая заросли, слон обрушился в волны, и ворон, томимый желанием, пал за ним и, выждав, пока он захлебнулся и вынырнул из волн, опустил на его ушастую тушу; туша плыла, разлагаясь, а ворон жадно клевал ее; когда же очнулся, то увидел, что отнесло его на этой туше далеко, далеко, туда, откуда нет возврата — и закричал жалким голосом, тем, которого так чутко ждет смерть и на который так быстро является она»¹⁷.

«Туша» современного империализма давно уже плывет, разлагаясь по волнам исторического океана. И преклонение перед волевой анархией и иррациональным, неверие в разум, искание выхода на Востоке — это скорее крики обреченных на гибель, сидящих на разлагающейся туше современного общества, отплывшей слишком далеко на берега.

Новому классу, идущему на смену отжившим, нет никакой нужды гасить светильник разума¹⁸, искать выхода в иррациональном и возлагать свои упования на стихию русской первозданной души. Не менее Гершензона он знает, что современные культурные ценности превратились в лохмотья, что они — ценности — фетиши, ценности — вампиры. В капиталистическом обществе, раздробленном, где каждый замкнут в своем индивидуалистическом миру, не только товар фетишизируется, но и так

называемые культурные ценности: ускользает их человеческий, общественный характер, и они приобретают самоценное, абсолютное значение, живут как бы сами по себе, самодовлеющей жизнью. Отсюда теория: наука для науки, искусство для искусства, нравственность во имя нравственности и т. д. Причины этого фетишизирования и идеализации давно уже выяснены школой Маркса и прежде всего им самим. Ясно также, что в развернутом социалистическом обществе культурные ценности, получив новое содержание, перестанут быть фетишами, ибо человек будет отчетливо сознавать их «человеческое, слишком человеческое»¹⁹ происхождение, их общественную значимость, их огромную, но служебную роль общественно — полезных факторов прогресса. Не человек для субботы, а суббота для человека²⁰. Тогда и личность человека перестанет чувствовать на себе гнет близких, несметных, живущих якобы своею жизнью ценностей.

За дифференциацией звания человек не будет забывать общего объединяющего. И во имя «отвлеченностей» нельзя уже будет истреблять миллионы людей: венцом всего станет человек и мерою вещей всех. И все остальное будет почитаться подчиненным ему и подсобным.

Но для борьбы за это будущее — повторяем — не нужно, вредно, реакционно ставить примат иррационального над рациональным и искать исхода в восточной мистике. При помощи разума человек идет вперед и выше, преодолевая господство и власть пустого, нелепого случая <...>.

<...>

Сказанным, нам кажется, дается в основном ответ о преемственности и ценности культуры, поставленной в «Переписке из двух углов». Верно, что «сознательный пролетариат» стоит на точке зрения преемственности, но ему чуждо благоговение и тем более мистический восторг В. Иванова перед культурным наследием: слишком многие из «ценностей» обогреты кровью и в действительности повисли лохмотьями; но в равной мере для творцов будущего неприемлемо причудливое сочетание анархизма со славянофильством и мистицизмом у М. О. Гершензона. Не из мистического преклонения пред памятью предков и их работой. Грядущее будет охранять культурное наследие прошлого. Оно возьмет только то, что будет ему нужно и полезно, что будет жизненно. Оно сохранит знание, давшее человечеству аэроплан и другие чудеса техники; нетленными останутся творения Гё-

те, Шиллера, Маркса, Пушкина, Толстого; но будет обречено на смерть все, что привело человечество к позору наших лет: формальное политическое равенство без социального, парламенты, философский, религиозный и нравственный дурман, крайний индивидуализм и т. д. Как заботливая хозяйка, Грядущее просеет сквозь историческое сито все содержание нынешней культурной жизни, отделив полезное от вредного.

Все существующее достойно погибели, но никогда новое не рождается, как феникс из пепла.

В переписке Гершензон — это нужно в заключение отметить — выглядит более позитивно и реалистически настроенным, чем в цитированных нами ранее им выпущенных книгах. Если это не случайность, можно только приветствовать подобную эволюцию. Во всяком случае от «Вех» до жажды разрушения современной культуры, о чем мечтает Гершензон, — путь изрядный.

1921 г., август

